ЭДИТ НЕСБИТ

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК

Эдит Несбит

Заколдованный замок

«Автор»
2026

Несбит Э.

Заколдованный замок / Э. Несбит — «Автор», 2026

Джеральд, Джимми и Кэтлин мечтали о незабываемых каникулах. Обнаружив таинственный туннель, ведущий к старинному поместью, они решают поиграть в сказку. Но всё меняется, когда в центре садового лабиринта ребята находят Спящую принцессу, а затем в их руки попадает кольцо, исполняющее желания. Магия выходит из-под контроля, и вскоре героям приходится лицом к лицу столкнуться с невидимкой, динозавром, призраками и жуткими Чуче-Кручелами. И как теперь отменить то, что уже свершилось? Классика сказочной прозы Эдит Несбит – в новом переводе для тех, кто ценит настоящую английскую литературу. Этот перевод стремится сохранить всё очарование оригинала: его ритм, каламбуры, тонкую авторскую иронию и колорит эдвардианской эпохи. Чтобы погружение в старую Англию было полным, книга снабжена подробными комментариями: вы легко разберетесь в нюансах британского быта, играх и исторических деталях того времени, которые часто теряются в других изданиях.

© Несбит Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Эдит Несбит
Заколдованный замок

Маргарет Остлер[1]
с любовью от
Э. Несбит

Дух вересковых пустошей и торфяных болот
С тобой пришел ко мне, в мою распахнутую дверь.
Цветок, что посадила ты, и по сей день цветет,
И в Сохо музы правят, как в Париже, уж поверь.

О Пегги, милая, прими частицу волшебства –
В волшебной сказке пусть навек останется та сила,
Мой вольный дух, и от тебя – частица озорства,
Что всё еще со мной, хотя судьба нас разлучила.

25 сентября 1907
Роялти Чамберс, Сохо, Лондон

[1] Маргарет Остлер (Пегги) – близкая подруга Эдит Несбит, именно ей был подарен самый первый экземпляр книги с дарственной надписью. Считается, что образ отважной и озорной Мейбл из «Заколдованного замка» во многом списан с Маргарет.

Глава первая

Их было трое – Джерри, Джимми и Кэтлин. Разумеется, Джерри на самом деле звали Джеральдом, а вовсе не Джеремией, как вы могли бы подумать; полное имя Джимми было Джеймс; а Кэтлин вообще никогда не называли полным именем, лишь Кэти, или Кэтти, или Котеныш, когда ее братья бывали в добром расположении духа, или же Кошка-Царапучка – когда они на нее сердились. Все они обучались в школе в маленьком городке на западе Англии. Правда, мальчики ходили в одну школу, а их сестра – в другую, поскольку разумный обычай совместного обучения мальчиков и девочек пока еще не стал заурядным и распространенным явлением, как однажды, я верю, все-таки случится. Они виделись друг с другом по субботам и воскресеньям в доме доброй одинокой леди; однако дом был из числа тех, где особо не поиграешь. Вам, наверное, тоже встречались такие дома? В них и не поговоришь толком, даже если вас оставят одних, а уж игры и вовсе кажутся чем-то неестественным и вредоносным. Потому дети всегда с нетерпением ожидали каникул, когда они смогли бы отправиться домой и проводить вместе целые дни напролет, в доме, где можно было бы играть и болтать сколько душе угодно. Столько всего интересного можно увидеть в лесах и полях Хэмпшира[2]; столько всего можно переделать! А еще там будет кузина Бетти. Конечно, и планов на лето была уйма. Каникулы у Бетти наступали раньше, поэтому она первой вернулась домой в Хэмпшир, однако сразу же по возвращении подхватила корь. Так и вышло, что наша троица вообще не смогла приехать домой на каникулы. Можете себе представить, что они чувствовали. Мысль о том, что придется провести семь недель у мисс Харви, была невыносимой, и все трое напрямик заявили об этом в своих письмах домой. Изумлению родителей не было предела, ведь они считали, что их дети так любят бывать у дражайшей мисс Харви. Однако они проявили, по выражению Джерри, «потрясающее понимание», и после множества писем и телеграмм было решено, что мальчики проведут каникулы вместе с Кэтлин в ее школе, откуда к тому времени уже разъехались все ученицы и преподавательницы, за исключением одной лишь преподавательницы французского, которая могла бы присматривать за ними.

– Всё лучше, чем торчать у мисс Харви, – заявила Кэтлин, когда мальчики пожаловали договариваться с Мадемуазель об удобном времени для переезда. – К тому же у нас и школа не такая отвратительная, как ваша. У нас и скатерти на столах имеются, и занавески на окнах, а всё, что есть у вас – это доски, парты и чернильницы.

Когда братья отбыли, чтобы упаковать вещи, Кэтлин потрудилась на славу и украсила комнаты цветами в банках из-под варенья – в основном ноготками, поскольку на заднем дворе не росло ничего иного. То ли дело клумбы перед парадным входом: там росли герань, кальцеолярия и лобелия; разумеется, детям не разрешалось их срывать.

– Нам надо придумать такую игру, чтобы ее хватило на все каникулы, – сказала Кэтлин, когда и чай был допит. Она уже закончила распаковывать одежду мальчиков и разместила ее в расписанных яркими красками ящиках комода. Кэтлин ощущала себя совершенно взрослой и хозяйственной, раз уж ей удалось сложить одежду аккуратными стопками. – Давайте напишем книгу.

– Куда тебе! – заявил Джимми.

– Ну, не одна я буду писать, конечно же, – ответила Кэтлин, слегка уязвленная. – Мы вместе.

– Каторжная работенка! – немедленно вынес вердикт Джеральд.

---

[2] Хэмпшир – живописное графство на юге Англии. Оно знаменито своими дремучими лесами (в частности, Нью-Форест), старинными усадьбами и морским побережьем.

– Если бы мы написали книгу, – настаивала Кэтлин, – о том, что на самом деле происходит в стенах школы, люди прочитали бы ее и поразились, до чего мы умные.

– Скорее добьешься, что нас исключат, – буркнул Джеральд. – Нет. Будет у нас нормальная уличная игра – в разбойников или что-то в этом духе. Было бы неплохо отыскать пещеру и складывать в нее всю нашу добычу, да и припасы съестного там же держать можно.

– Нет тут никаких пещер! – заявил Джимми, в котором слишком силен был дух противоречия. – А кроме того, наша дорогая мамзель не отпустит нас одних никуда, будь уверен.

– Ну, это мы еще посмотрим! – сказал Джеральд. – Пойду и поговорю с ней по-свойски.

– Как-как? – рассмеялась Кэтлин, указывая на него пальцем. – Да ты взгляни на себя!

Джерри подошел к зеркалу.

– Одеться, причесаться и вымыть руки с мылом для нашего героя просто пара пустяков, – заявил он, и поспешил подкрепить свои слова делом.

Уже довольно скоро стройный, интересной наружности юноша с гладко зачесанными каштановыми волосами постучал в дверь небольшой гостиной, где находилась Мадемуазель, которая читала книгу в желтой обложке и предавалась пустым мечтаниям. Джеральду ничего не стоило придать себе «интересный вид» в случае необходимости – весьма полезное умение, когда имеешь дело с незнакомыми взрослыми. Он добивался этого эффекта, шире распахивая свои серые глаза, слегка опуская уголки губ, и придавая лицу кроткое, умоляющее выражение, – всё это делало его похожим на знаменитого маленького лорда Фаунтлероя[3], который в наши дни, вне всякого сомнения, изрядно состарился и стал законченным педантом.

– Entrez[4]! – Мадемуазель говорила с сильным французским акцентом. А когда Джеральд вошел, добавила нетерпеливо: – Eh bien[5]?

– Надеюсь, я не помешал вам, – сказал Джеральд; казалось, этот мальчик в жизни даже мухи не обидел.

– Вовсе нет, – отвечала она, несколько смягчаясь. – Тебе что-то нужно?

– Я подумал, что надо зайти и поздороваться, – объяснил Джеральд. – Вы же в этом доме за хозяйку, как-никак.

Он протянул свежевымытую руку, всё еще влажную и покрасневшую, и Мадемуазель пожала ее.

– Ты очень вежливый мальчик, – сказала она.

– Вовсе нет, – запротестовал Джеральд; настолько вежливым он не бывал еще никогда. – Мне вас так жаль. Это, должно быть, ужасно – присматривать за нами в каникулы.

– Да нет же, – пришел черед Мадемуазель выражать протест. – Я уверена, что вы окажетесь очень хорошими детьми.

Вид Джеральда убедил ее в том, что он и остальные ребята будут вести себя подобно ангелам во плоти, а значит, беспокоиться не о чем.

– Мы постараемся, – серьезно заверил ее мальчик.

– Могу я что-нибудь сделать для вас? – любезно осведомилась учительница французского.

– О нет, благодарю вас, – отозвался Джеральд. – Мы бы не хотели причинять вам никаких хлопот. И я подумал, что меньше хлопот для вас будет, если мы завтра отправимся на весь день в лес и захватим с собой обед – что-нибудь холодное, знаете ли, – так что и у кухарки хлопот не будет.

---

[3] Лорд Фаунтлерой – главный герой популярной повести Фрэнсис Ходжсон Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой» (1886). Этот златокудрый мальчик стал в Англии и Америке символом идеального, кроткого и необычайно воспитанного ребенка.

[4] Войдите (фр.)

[5] Ну (фр.)

– Ты очень предусмотрителен, – спокойно ответила Мадемуазель. Глаза Джеральда просияли, ухитрившись проделать это, нимало не поколебав плотно сжатую линию губ. Но Мадемуазель уловила эту искорку и рассмеялась, и тогда Джеральд рассмеялся тоже.

– Плутишка! – воскликнула она. – Почему бы сразу не объявить, что вы не желаете излишнего присмотра, или как это называется… надзора, вместо того чтобы притворяться милым и рассыпаться передо мной в любезностях?

– Со взрослыми надлежит быть предупредительным, – с достоинством ответствовал Джеральд, – но это не притворство ни в коем разе. Мы действительно не хотим беспокоить вас, и не хотим, чтобы вы…

– Чтобы я беспокоила вас. Eh bien! А как ваши родители, они разрешают вам играть в лесу целыми днями?

– О да, – правдиво ответил Джеральд.

– В таком случае, я не собираюсь свирепствовать больше, чем они. Я предупрежу кухарку. Ты доволен?

– Вполне! – сказал Джеральд. – Мадемуазель, вы просто душка!

– Простодушка? – озадаченно повторила она. – Вот, значит, как?

– Нет, вы… милая, – уточнил Джеральд, придя в некоторое замешательство. – Настоящая chérie. И вы не пожалеете о своем решении. Скажите, вам нужна какая-нибудь помощь: смотать шерсть, найти очки или еще что?

– Он принимает меня за бабушку! – воскликнула Мадемуазель, и рассмеялась еще громче, чем прежде. – Ступай, и смотри, не слишком-то проказничай там.

***

– Ну, как успехи? – нетерпеливо спрашивали остальные.

– Всё в порядке, – с напускным равнодушием ответствовал Джеральд. – Говорил же я вам. Хитроумные уловки юного кавалера завоевали благосклонность учительницы-чужеземки, которая в пору своей юности слыла первой красавицей в скромной деревушке.

– Вот уж не поверю. Она слишком строгая, – заявила Кэтлин.

– Э! – сказал Джеральд. – Тебе так кажется, потому что ты не умеешь с ней обходиться. *Со мной*она вовсе не была строга.

– Ты что, ей лапши на уши навешал? – уточнил Джимми.

– Нет, я был дип… ну как же он называется-то? Что-то вроде посла. Дипосломатом – вот кем я был. Как бы то ни было, мы получили свой шанс, и не будь я Джек Робинсон[6], если мы им тотчас не воспользуемся и не отыщем пещеру!

Мадемуазель, совсем не такая строгая, как мнилось Кэтлин, сидела во главе стола за ужином, который состоял в основном из хлеба, намазанного патокой несколько часов назад и успевшего так затвердеть и высохнуть, что оставалось только диву даваться, как такое можно есть. Джеральд был сама вежливость, передавая учительнице масло и сыр и уговаривая ее попробовать хлеб с патокой.

– Ба! да он же как песок хрустит во рту… такой сухой! Мыслимо ли, чтобы он тебе нравился?

– Нет, – отвечал Джеральд. – Немыслимо. Но мальчикам не полагается отпускать замечания насчет пищи, это невежливо.

Она рассмеялась, но после этого случая сухой хлеб с патокой на ужин больше не подавали.

– Как ты это делаешь? – в восхищении прошептала Кэтлин, когда они расходились, пожелав Мадемуазель спокойной ночи.

– О, это очень просто. Когда имеешь дело со взрослыми, лучше сразу дать им понять, что у тебя на уме. Вот увидишь, теперь она у меня будет на коротком поводке.

На следующее утро Джеральд поднялся рано и нарвал розовых гвоздик, чье скромное обиталище он обнаружил среди царивших повсюду клумб с ноготками. Перевязав букет черной хлопковой нитью, он положил его на тарелку Мадемуазель. Француженка улыбнулась и, прикалывая букетик к пояску своего платья, выглядела прехорошенькой.

– Тебе не кажется, – заметил впоследствии Джимми, – что ты порядочный… ну, как называются такие люди, которые, чтобы добиться своего, начинают к вам подлизываться, подкупать цветочками и прочей дребеденью, вроде «позвольте передать вам соль»?

---

[6] Джек Робинсон – фольклорный персонаж, олицетворяющий быстроту. Легенда гласит, что так звали джентльмена, чьи визиты к соседям были настолько краткими, что его имя просто не успевали объявить. Отсюда появилась идиома ”before you can say Jack Robinson” («прежде чем ты успеешь сказать Джек Робинсон»), которая означает «мгновенно» или «в два счета». Поэтому клятва «не будь я Джек Робинсон» – это заверение в том, что обещанное будет исполнено с невероятной скоростью.

– Это совсем не то, – вдруг сказала Кэтлин. – Кажется, я понимаю Джеральда, хотя сама до сих пор о таком и не задумывалась. Видишь ли, если ты хочешь, чтобы взрослые были добры к тебе, то самое меньшее, что ты можешь сделать, – это самому стать милым и предупредительным с ними, и придумывать, чем бы их порадовать. Я вот не следую этому правилу. А Джерри следует, вот почему пожилые леди так его любят. Но он не подлиза. Это своего рода нравственный кодекс… вроде «услуга за услугу».

– Ой, да ладно, – сказал Джимми, отмахиваясь от обсуждения вопросов нравственности. – В любом случае, денек, чтоб порезвиться в лесах, мы урвали.

И они двинулись в путь.

Широкая Хай-стрит, даже в этот деловой утренний час почти такая же спокойная, как заурядная сонная улочка, расстилалась перед ними, вся залитая солнечным светом; листья, всё еще влажные после ночного дождя, радостно поблескивали, но дорога уже подсохла, и в лучах солнца каждая удержавшая влагу былинка сверкала и переливалась, подобно бриллианту. Прекрасные старые дома, выглядевшие так величественно и гордо, стояли, греясь на солнышке и, казалось, совсем разнежились.

– А здесь лес-то вообще есть? – спросила Кэтлин, когда они пересекали рыночную площадь.

– Ну, не обязательно лес, – мечтательно проговорил Джеральд. – Главное – найти хоть что-то. Один из ребят рассказывал, что его отец, когда был маленьким, однажды отыскал пещеру где-то под обочиной дороги близ Солсбери-роуд; правда, он сказал еще, будто там был и заколдованный замок, так что поди знай, не наврал ли он и насчет пещеры этой.

– Вот были бы у нас рожки, – сказала Кэтлин, – мы бы трубили в них что есть мочи всю дорогу – глядишь, и отыскали бы заколдованный замок[7].

– Вот были бы у тебя деньги, – презрительно отозвался Джимми, – чтобы купить рожки…

– А вот и куплю, у меня есть, смотри-ка! – воскликнула Кэтлин. И рожки были приобретены в крошечной лавочке с выпуклой витриной, заполненной причудливой россыпью игрушек, сладостей, огурцов и кислых яблок.

И вскоре по тихой площади на окраине городка, где располагалась церковь и стояли особняки наиболее уважаемых горожан, эхом разнеслись протяжные и низкие звуки рога. Но ни один из домов и не подумал превратиться в заколдованный замок.

Так ребята вышли на Солсбери-роуд, столь жаркую и пыльную улицу, что невозможно было устоять и не выпить одну из бутылок с имбирным пивом.

– В животе его уж всяко легче нести, чем в бутылке, – заметил Джимми, – а бутылку мы припрячем и заберем, когда будем возвращаться.

А затем они приблизились к месту, где дорога, по выражению Джеральда, «пошла сразу в две стороны».

– Вот это уже похоже на приключение, – сказала Кэтлин.

Они выбрали дорогу по правую руку, в следующий раз повернули налево, «чтобы было по-честному», как сказал Джимми, потом снова направо, и снова налево, и так далее, пока окончательно не заблудились.

– *Заблудились*, – подвела итог Кэтлин, – вот радость-то!

Кроны деревьев смыкались у них над головой, а обочины дороги были крутыми и густо поросли кустарником. Путники уже давно не трубили в рожки – что проку трубить, если некому даже досадить этими звуками?

---

[7] Здесь отсылка к старинным рыцарским романам о поисках Святого Грааля. Согласно легендам, перед воротами волшебного замка было положено трубить в рог: правильный звук мог призвать стражей, разрушить злые чары или указать путь к заветной тайне.

– Ну и дела! – глубокомысленно заметил Джимми. – Давайте-ка присядем на минуточку и пообедаем. Можем назвать это ланчем, если хотите, – убедительно прибавил он.

Ребята присели у изгороди и подкрепились спелым красным крыжовником, который предназначался им на десерт.

Они сидели, давая отдых своим усталым и отекшим ногам. Джеральд прислонился к кустам изгороди, однако кусты расступились, и мальчик чуть не шлепнулся навзничь. Что-то поддалось от этого его движения, послышался звук, словно какая-то тяжесть упала.

– Вот так штука! – воскликнул Джеральд, резко выпрямляясь. – Здесь нора – камень, к которому я прислонился, попросту провалился туда!

– Вот бы это оказалась пещера, – сказал Джимми, – но, конечно, это не она.

– Она может появиться, если подуть в рог, – заявила Кэтлин, и неистово принялась дуть в свой рожок.

Джеральд просунул руку через кустарник.

– Не чувствую ничего, кроме воздуха, – доложил он. – Это всего лишь нора, наполненная пустотой.

Двое других ребят раздвинули ветки кустарника. В насыпи действительно зияла нора.

– Я залезу в нее, – решил Джеральд.

– Ой, нет! – воскликнула его сестра. – Лучше не надо. Вдруг там змеи?

– Да ну, – сказал Джеральд, но всё же подался вперед и чиркнул спичкой. – Это пещера! – крикнул он, оперся коленом на покрытый мхом камень, где раньше сидел, вскарабкался на него – и исчез.

Последовала томительная пауза.

– Ты в порядке? – осведомился Джимми.

– Да… залезайте. Только просовывайте сначала ноги – тут небольшой перепад высоты.

– Я следующая, – объявила Кэтлин. Следуя совету брата, она просунула в дыру ноги и бешено замахала ими в воздухе.

– Да поосторожнее ты! – откликнулся Джеральд из темноты. – В глаз мне попадешь. Спускай ноги вниз, а не задирай их. Нет нужды пытаться взлететь – здесь для этого слишком тесно.

Он помог Кэтлин, направив ее ноги вниз, а затем подхватив под мышки.

Кэтлин ощутила шуршащие сухие листья под ботинками, и обернулась, приготовившись подхватить Джимми, который нырнул в пещеру головой вперед, словно собираясь погрузиться в воды неведомого моря.

– Это *пещера*, – сказала Кэтлин.

– Юные исследователи, – объявил Джеральд, перекрывая спиной отверстие, – первое время были ослеплены тьмой и не видели ни зги.

– Тьма не может ослеплять, – заметил Джимми.

– Была бы у нас свеча, – вставила Кэтлин.

– Еще как может! – возразил Джеральд. – Они же не видели ни зги! Но их бесстрашный предводитель, чьи глаза успели привыкнуть к темноте, пока неповоротливые фигуры остальных маячили у входа, сделал открытие.

– О, какое? – «остальные», хотя и были привычны к манере Джеральда ударяться в «повествовательный стиль», когда игра в разгаре, всё же предпочли бы иногда, чтобы он изъяснялся лаконичнее и не слишком-то походил на заумную книгу.

– Герой отказался открыть заветную тайну своим верным соратникам, пока они, все как один, не дали слово чести, что будут хранить спокойствие.

– Да ладно, мы спокойны, – нетерпеливо проговорил Джимми.

– Тогда смотрите! – воскликнул Джеральд, внезапно перестав говорить «как по книге» и превращаясь в обычного мальчишку. – Там, дальше, свет!

Они взглянули. Джеральд был прав. Слабый сумрачный свет падал на бурые стены пещеры, чуть далее он становился еще светлее, отделяясь отчетливой темной линией, и это красноречиво свидетельствовало, что впереди, где коридор пещеры сворачивает за угол, присутствует источник света.

– Приготовьтесь! – повелел Джеральд; по крайней мере, это было то, что он имел в виду, поскольку сказал-то он «Товсь!», – как приличествует сыну солдата. Остальные машинально подчинились.

– Вам надлежит стоять наизготовку, пока я не отдам приказ: «Шагом марш!», – после чего развернутым строем переходите в наступление, следуя за отважным предводителем и стараясь не наступать на мертвых и раненых.

– Да ну тебя! – не выдержала Кэтлин.

– Здесь их нет, – сказал Джимми, пытаясь нащупать в темноте руку сестры, – он просто имел в виду: старайтесь не споткнуться о камни и тому подобное.

Тут он дотянулся до ее руки, и Кэтлин вскрикнула.

– Да это я, – проговорил Джимми. – Думал, тебя надо поддержать. Но ты прямо как девчонка.

Теперь их глаза стали привыкать к темноте, и все смогли разглядеть, что находятся в необработанной каменной пещере, которая уходит вперед на три или четыре ярда[8], а затем резко поворачивает вправо.

– Победа или смерть! – провозгласил Джеральд. – Ну, а теперь – шагом марш!

Он продвигался осторожно, прокладывая путь между комьев земли и камней, что в изобилии громоздились на полу пещеры.

– Парус, парус! – закричал он, повернув за угол.

– Как восхитительно! – у Кэтлин захватило дух, когда она вышла на площадку, озаренную солнечным светом.

– Нет тут никакого паруса, – буркнул Джимми, следуя за ней.

Тесный проход завершался полукруглой аркой, окаймленной папоротниками и ползучими растениями. Пройдя через арку, ребята очутились в глубоком узком овраге, чьи берега были сложены из поросших мхом камней, а через трещины в них пробивались вездесущие папоротники и высокая трава. Деревья, растущие по обоим берегам, смыкали наверху свои

[8] Ярд – единица измерения длины в английской системе мер, равная 91,44 см (или 3 фута).

кроны, и солнечный свет, пробиваясь сквозь них неугомонными проблесками, превращал овраг в великолепную галерею, укрытую золотисто-зеленой сводчатой кровлей. Тропинка, вымощенная зеленовато-серыми камнями с вкраплениями ворохов листьев, отлого спускалась вниз, к еще одной полукруглой арке, внутри которой царила непроглядная тьма, а вокруг громоздились скалы, поросшие травой и кустарником.

– Похоже на вход в железнодорожный туннель, – сказал Джеймс.

– Это вход в заколдованный замок, – отозвалась Кэтлин. – Давайте трубить в рог!

– Помолчите! – вмешался Джеральд. – «Отважный капитан, сделав выговор своим подопечным за глупую болтовню…»

– Как вам это нравится? – вознегодовал Джимми.

– То ли еще будет, – продолжал Джеральд. – «…Сделав выговор за болтовню, он приказал им выступать, в тишине и с соблюдением всяческих предосторожностей, ибо окрестности могут быть населены неведомыми существами, и следующая арка вполне может привести к леднику или еще чему-нибудь не менее опасному».

– Чему? – тревожно спросила Кэтлин.

– Возможно, к медведям, – коротко ответил Джеральд.

– Да не бывает никаких медведей… в Англии, во всяком случае, – возразил Джимми. – В Америке вот водятся, в виде исключения, – рассеянно прибавил он.

– Быстро… шагом марш! – единственное, что сказал Джеральд в ответ.

И они зашагали вперед, забирая ногами подгнившую листву и ощущая под ней твердую, каменистую почву. У темной арки ребята остановились.

– Ступеньки ведут вниз, – заметил Джимми.

– Да прямо в ледник, – подхватил Джеральд.

– Лучше не пойдем туда! – взмолилась Кэтлин.

– Наш герой, – сказал Джеральд, – которого ничто не могло привести в смятение, укрепил пошатнувшийся боевой дух своих жалких прихлебателей, объявив им, что он просто счастлив будет продолжить свой путь в одиночку, а они могут поступать так, как считают нужным.

– Обзываться будешь, – сварливо заметил Джимми, – и впрямь отправишься один. – И прибавил назидательно: – Так-то!

– Это всего лишь роль в игре, глупый, – терпеливо разъяснил Джеральд. – Завтра ты точно так же можешь стать капитаном, так что лучше придержи язык и начинай придумывать, как ты нас обзовешь, когда наступит твой черед.

Очень медленно и осторожно ребята принялись спускаться вниз по ступенькам. Сводчатый каменный потолок оказался над их головами. Дойдя до последней ступеньки, которая никак не желала заканчиваться, Джеральд чиркнул спичкой и обнаружил, что стоит в начале коридора, поворачивающего влево.

– Ну вот, – сказал Джимми, – он и выведет нас обратно на дорогу.

– Или под нее, – отозвался Джеральд. – Не забывай, мы спустились вниз на одиннадцать ступенек.

Они продолжили путь, следуя за предводителем, который ступал очень медленно из-за боязни, как он объяснил, «что снова начнутся ступеньки». В проходе было очень темно.

– Не слишком-то нравится мне всё это, – прошептал Джимми.

Вскоре появилось слабое мерцание дневного света, которое становилось всё ярче и ярче шаг за шагом, пока не привело к еще одной арке, за которой скрывался пейзаж, столь разительно похожий на иллюстрацию из книжки про Италию, что у ребят дыхание перехватило, и им ничего не оставалось, кроме как идти дальше в молчаливом изумлении. Коротенькая аллея, обсаженная кипарисами, привела на широкую мраморную террасу, ослепительно белую в лучах солнечного света. Щурясь от солнца, дети облокотились на низенькую балюстраду, опоясывающую террасу, и огляделись. Прямо под ними раскинулось озеро – точь-в-точь такое, как в «Прекрасных пейзажах Италии», – озеро с лебедями, островком посередине и плакучими ивами; за ним виднелись зеленые склоны, поросшие деревьями и кустарниками, а средь растительности этой проглядывало и что-то белое, похожее на статуи. Слева на фоне небольшого холма расположилась белая ротонда с колоннами, а справа, меж мшистых камней, низвергался

в озеро водопад, поднимая тучу брызг. От террасы к воде можно было спуститься по ступенькам; другие ступеньки вели на далекие лужайки позади террасы. На поросших зеленью склонах паслись олени, а на расстоянии, где кустарники и деревья сливались воедино, образуя некое подобие леса, высилось огромных размеров сооружение из серого камня, не похожее ни на что из виденного детьми прежде.

– Тот парень из нашей школы… – начал было Джеральд.

– А вот и заколдованный замок! – воскликнула Кэтлин.

– Не вижу никакого замка, – обрубил Джимми.

– Ну, а как это назвать? – Джеральд указывал туда, где, прячась за зеленым поясом из лип, врезались в голубизну неба белоснежные башни и башенки.

– Ничем иным это быть не может, – сказала Кэтлин. – И здесь всё такое чистенькое и опрятное! Наверняка без магии не обошлось.

– Волшебная сенокосилка, – хмыкнул Джимми.

– Если бы мы были героями книги, то нашли бы здесь заколдованный замок, точно нашли бы, – заявила Кэтлин.

– Это *и есть* заколдованный замок, – глухо повторил Джеральд.

– Не бывает никаких заколдованных замков, – продолжал гнуть свою линию Джимми.

– Да откуда тебе знать? Что, по-твоему, в мире существует лишь то, что *ты* видишь? – тон Джеральда был исполнен сокрушительного презрения.

– Я думаю, что всякое волшебство бесследно испарилось с появлением парового двигателя, – упорствовал Джимми, – и газет, и телефонов, и беспроводного телеграфа.

– Если задуматься над этим, то отсутствие проводов – чем не волшебство? – заметил Джеральд.

– Ну разве что! – настала очередь Джимми обдать собеседника глубочайшим презрением.

– Возможно, волшебство ушло из нашей жизни, потому что люди больше ни во что такое не верят, – предположила Кэтлин.

– Давайте не будем портить представление дурацкими стариковскими «я не верю» и «так не бывает», – заговорил Джеральд с решительностью. – Лично я собираюсь уверовать в волшебство со всей силой, на какую способен. Здесь у нас заколдованный сад, а там – заколдованный замок, и я намереваюсь хорошенько его изучить. «И тогда бесстрашный рыцарь выдвинулся в путь, предоставив своим невежественным оруженосцам самим решать, желают ли они последовать за ним», – он спрыгнул с балюстрады и твердым шагом направился вниз к лужайке, и, пока он спускался, даже в грохоте его ботинок слышалась упрямая решимость.

Остальные последовали за ним. Таких садов они прежде никогда не встречали, разве что на картинках или в сказках. Они прошли совсем близко от оленя, который лишь поднял свою прелестную головку, чтобы на них взглянуть, и вовсе не казался испуганным. Пройдя вдоль длинной полосы газона, а затем под сенью массивных крон лип, они вошли в освещенный солнцем розарий, огороженный плотной живой изгородью из сомкнутых тисов и расстилавшийся перед ними во всём великолепии и буйстве красок – красных, розовых, зеленых, белых, – подобно гигантскому многоцветному, обильно надушенному носовому платку.

– Боюсь, мы вот-вот повстречаем садовника, и он обязательно поинтересуется, что мы тут делаем. И что мы ему ответим? – спросила Кэтлин, уткнувшись носом в розу.

– Я скажу, что мы заблудились, и это будет чистая правда, – объявил Джеральд.

Однако они не встретили ни садовника, ни кого-либо еще, а между тем ощущение волшебства становилось всё сильнее и сильнее, так что скоро их уже почти пугал звук собственных шагов, нарушающих безмолвие этого места. Розарий окружала тисовая живая изгородь с устроенной в ней аркой, а за аркой начинался лабиринт – точь-в-точь такой, как в Хэмптон-Корте[9].

– А теперь, – сказал Джеральд, – запомните мои слова: в центре этого лабиринта мы обнаружим тайное заклинание. Обнажите же клинки, мои бравые ребята, и выступайте в поход в полнейшей тишине!

Так они и поступили.

В лабиринте было очень жарко, живые изгороди по обеим сторонам дорожки росли слишком близко друг к другу, и найти путь к сердцу лабиринта оказалось весьма нелегкой задачей. Вновь и вновь дети оказывались перед темной аркой прохода, за которой открывался розарий, и все они радовались тому обстоятельству, что догадались захватить с собой большие, чистые носовые платки, – без них было бы совсем тяжко.

Когда они очутились перед аркой в четвертый раз, Джимми воскликнул: «Ну, знаете ли!» – и тут же осекся.

– Ой! – совершенно другим голосом прибавил он. – А где же наш обед?

Во внезапно наступившей тишине они вспомнили, что оставили корзину с обедом перед входом в пещеру. Их мысли тотчас же с необычайной нежностью устремились к кусочкам холодной баранины, шести помидорам, хлебу и маслу, завернутым в подсоленную бумагу, яблочным пирогам, и к стаканчику из толстого стекла, из которого они пили имбирное пиво.

– Давайте вернемся, – сказал Джимми, – сейчас же, заберем наши вещи и пообедаем.

– Ну, давайте предпримем еще одну попытку пройти лабиринт. Терпеть не могу сдаваться! – предложил Джеральд.

– Но я есть хочу! – возразил Джимми.

– Что ж ты раньше молчал? – горько вопросил Джеральд.

– Ну, раньше не хотел.

– Значит, и сейчас не хочешь. Не мог же ты проголодаться за одну минуту?.. Ух ты! Что это?

У подножия изгороди он приметил нечто красное – тонкую, едва различимую линию, которую вряд ли разглядишь, если не станешь пристально изучать корни живой изгороди.

То была хлопковая нить. Джеральд подобрал ее. Один ее конец был прикреплен к наперстку через отверстие, проделанное в нем, а другой…

– А другого конца-то и нет! – возликовал Джеральд. – Это путеводная нить, вот что это такое. И на кой нам сейчас холодная баранина? Я всегда знал, что однажды с нами случится что-то волшебное, и вот этот день настал!

– Думаю, ее оставил здесь садовник, – предположил Джимми.

– Вместе с серебряным наперстком принцессы? Ты только взгляни! На наперстке выгравирована корона.

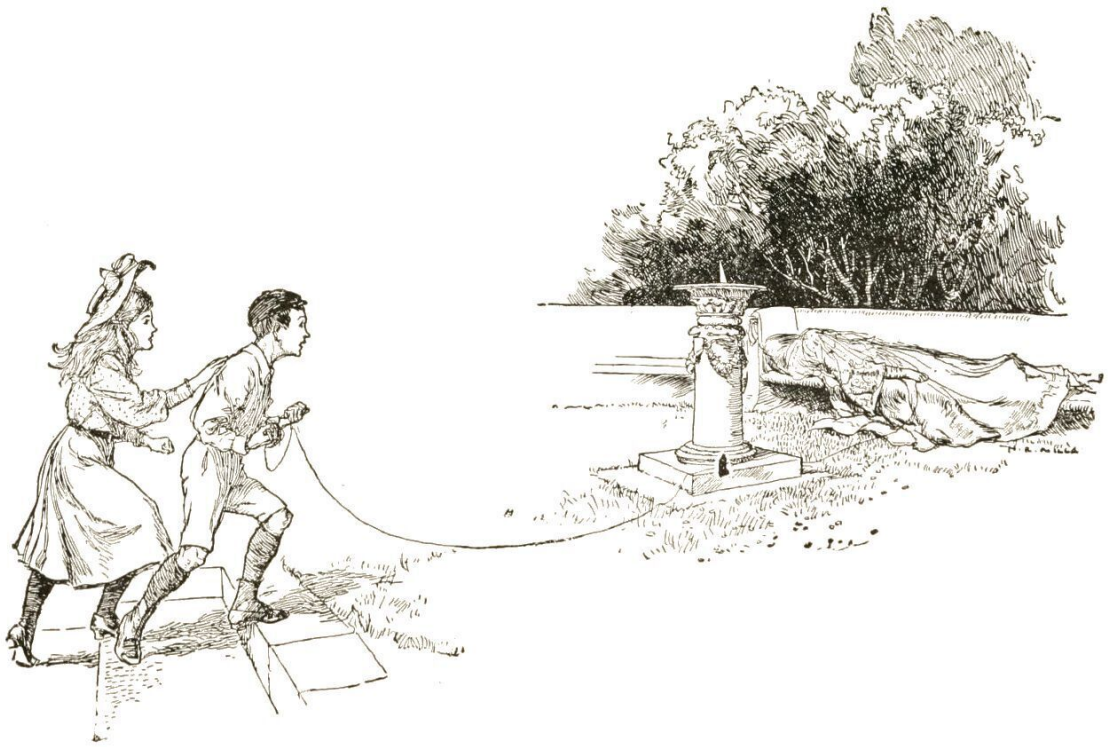
И действительно, корона была.

– Идемте же,– настойчиво проговорил Джеральд, понизив голос, – если, конечно, вы настоящие искатели приключений. В любом случае, кто-то уже наверняка проходил по дороге и давным-давно подобрал нашу баранину.

---

[9] Хэмптон-Кортский лабиринт – старейший садовый лабиринт из живой изгороди на территории Хэмптон-Корта в Великобритании. Был высажен в 1695 году по заказу Вильгельма III и сохранился до наших дней.

И они двинулись вперед, по мере продвижения наматывая красную нить на пальцы. И помощь от нее оказалась весьма существенной, поскольку нить привела их прямиком в центр лабиринта – тот самый центр лабиринта, куда они так стремились попасть.

Следуя за красной путеводной нитью, они поднялись по двум каменным ступеням и оказались на круглой лужайке. Посередине возвышались солнечные часы, а вокруг них, вдоль линии живой изгороди, протянулась низенькая и широкая каменная скамья. Путь, указываемый красной нитью, пролегал через лужайку, огибая солнечные часы, и обрывался в маленькой смуглой ручке, все пальцы которой были унизаны кольцами с драгоценными камнями. Вдоволь насмотревшись на это великолепие, взгляд скользил дальше, к запястью, охваченному множеством браслетов со сверкающими красными, голубыми и зелеными камнями. Почти до самого запястья спускался рукав из розового с золотом парчового шелка, слегка поблекшего, но всё еще выглядевшего весьма внушительно. Ну, а рукав был лишь частью богатого облачения дамы, что возлежала на каменной скамье в лучах солнца, погруженная в глубокий сон. Из-за розового с золотом платья виднелась вышитая нижняя юбка нежно-зеленого цвета. Наряд дополняли старое, пожелтевшее от времени кружево цвета заварного крема, и усыпанная серебряными звездочками тонкая белая вуаль, которая прикрывала лицо незнакомки.

– Это заколдованная принцесса, – сказал Джеральд, теперь и впрямь потрясенный. – Я же говорил вам.

– Это Спящая Красавица, – заявила Кэтлин. – Только взгляните, какие старомодные одежды на ней, точь-в-точь как на портретах дам эпохи Марии Антуанетты[10]из книжки по истории. Она спит здесь уже добрую сотню лет. Ох, Джеральд, ты у нас самый старший; тебе нужно сделаться принцем, иначе мы так ничего и не узнаем.

– И вовсе это не настоящая принцесса! – заявил Джимми.

[10] Мария Антуанетта (1755–1793) – французская королева, жена Людовика XVI, известная своей любовью к роскоши и нарядам. Во время Французской революции она была свергнута и казнена.

Однако остальные подняли его на смех – отчасти потому, что подобные его заявления только портили любую игру, а отчасти – потому что действительно, кто мог поручиться, что дама, неподвижно лежавшая перед ними во всём своем ослепительном великолепии, на самом деле никакая не принцесса. Чем больше этапов приключения они проходили – сначала была пещера, потом чудесный сад, лабиринт, и, наконец, путеводная нить, – тем явственнее становилось ощущение волшебства, так что теперь Кэтлин и Джеральд полностью подпали под влияние чар.

– Подними ее вуаль, Джерри, – прошептала Кэтлин. – Вдруг она вовсе не такая уж красавица? Тогда вряд ли это принцесса; будем хоть знать.

– Сама подними, – буркнул Джеральд.

– А по-моему, экспонаты трогать запрещено, – заметил Джимми.

– Это же не восковая фигура, дурачок, – отозвался брат.

– Нет, – подхватила сестра. – Воск бы уже расплавился на солнце. К тому же, видишь, она дышит. Это наверняка принцесса! – с превеликой осторожностью Кэтлин приподняла вуаль за краешек, а затем откинула ее назад. У принцессы оказалось небольшое бледное личико, обрамленное темными волосами, заплетенными в косы. Прямой точеный носик, тонкие линии бровей. На носу и подбородке – россыпь веснушек.

– Чего уж тут удивительного, – прошептала Кэтлин. – Спит столько лет прямо на солнце!

Губы принцессы вовсе не напоминали розовый бутон. И все-таки…

– Она прекрасна! – выдохнула Кэтлин.

– И не успела еще покрыться пылью, – не преминул заметить Джеральд.

– Так, Джерри, – с твердостью в голосе произнесла Кэтлин. – Ты у нас самый старший.

– Ну разумеется, – с некоторым беспокойством отозвался Джеральд.

– Что ж, значит, тебе и будить принцессу.

– Да никакая она не принцесса! – воскликнул Джимми, засунув руки в карманы бриджей. – Обычная девчонка, только переодетая.

– У нее длинное платье, как у взрослой, – настаивала Кэтлин.

– Ага, но взгляни – туфли из-под подола едва виднеются. Если она встанет, то будет ростом не выше Джерри.

– Ну же, – продолжала наседать Кэтлин. – Джерри, ты-то хоть не глупи! Ты должен это сделать.

– Сделать что? – спросил Джеральд, постукивая носком левого ботинка о правый.

– Поцеловать ее, чтобы разбудить, конечно же.

– Только не я! – решительно возразил Джеральд.

– Ну, кто-то же должен.

– И что тогда? Она же увяжется за мной, как только проснется, – забеспокоился Джеральд.

– А я бы охотно поцеловала ее, – сказала Кэтлин, – но не думаю, что это сработает.

Она поцеловала принцессу, и это действительно не сработало. Девушка по-прежнему лежала, погруженная в глубокий сон.

– Придется тебе, Джимми. Может, у тебя получится? Только потом отпрыгни сразу, а то вдруг она тебя ударит.

– Да не будет она его бить, он же такой малявка, – заявил Джеральд.

– Сам малявка! – возмутился Джимми. – *Я* не возражаю против того, чтобы ее поцеловать. Я не такой трус, как некоторые. Но чур, если я преуспею, то весь остаток дня именно я буду вашим бесстрашным предводителем, идет?

– Нет, слушай… подожди-ка! – вскричал Джеральд. – Может, лучше все-таки я… – но Джимми тем временем уже запечатлел громкий, звучный поцелуй на бледной щеке принцессы, а затем все трое замерли, затаив дыхание в ожидании результата.

Ждать пришлось недолго – принцесса распахнула большие темные глаза, потянулась, зевнула, прикрыв рот смуглой рукой, и произнесла, отчетливо выговаривая каждое слово, так что ослышаться было невозможно:

– Значит, уже миновало сто лет? Ну надо же, как вымахали тисы в изгороди! И кто же из вас мой принц, что пробудил меня от глубокого многолетнего сна?

– Это я, – бесстрашно сказал Джимми, поскольку принцесса, кажется, вовсе не собиралась ни с кем драться.

– Мой благородный спаситель! – воскликнула принцесса, протягивая руку, которую Джимми энергично пожал.

– Послушайте, не хотите же вы сказать, – проговорил он, – что вы настоящая принцесса?

– Ну конечно, я настоящая принцесса, – отвечала она. – А кто же я еще, по-вашему? Взгляните на мою корону! – она откинула усыпанную блестками вуаль, открыв их взорам корону, в которой даже Джимми не мог не заметить бриллианты.

– Однако… – начал было Джимми.

– К тому же, – продолжала она, распахнув глаза еще шире, – вы наверняка знали, что я нахожусь здесь, иначе вы бы сюда не пришли. Как вам удалось миновать драконов?

Джеральд оставил этот вопрос без внимания.

– Послушайте, – заговорил он, – вы что, и впрямь верите в магию и прочие такие штуки?

– Приходится, – сказала принцесса, – раз уж магия повсюду. Вот, смотрите, на моем пальце остался след от укола веретеном, – и она показала им крохотный шрам.

– И это *действительно* заколдованный замок?

– Ну конечно, – сказала принцесса. – До чего же вы глупые! – она встала, и ее розовое парчовое платье широкой волной взметнулось вокруг ее ног.

– Говорил же я, что ее платье слишком длинное, – пробормотал Джимми.

– Когда я засыпала, оно было нормальной длины, – возразила принцесса. – Должно быть, оно выросло за сто лет, пока я спала!

– Я вообще не верю, что вы принцесса, – заявил Джимми. – По крайней мере…

– Не хочешь – не верь, – ответила принцесса. – Не важно, во что ты веришь; гораздо важнее, во что верю я, – и она обернулась к остальным.

– Давайте вернемся в замок, – предложила она, – и я покажу вам мои прелестные драгоценности и прочее. Хотите?

– Да, – с явным колебанием отозвался Джеральд. – Но…

– Но что? – в тоне принцессы послышалось нетерпение.

– Но мы ужасно проголодались.

– О, и я тоже! – воскликнула принцесса.

– Мы ничего не ели с самого завтрака.

– А сейчас три часа пополудни, – сказала принцесса, взглянув на солнечные часы. – Да уж, много-много часов вы не ели. Но вообразите только, у меня крошки во рту не было на протяжении сотни лет! Пойдемте в замок.

– Да там уже мыши всё съели, – грустно сказал Джимми. Сейчас-то он уверовал, что перед ним *настоящая* принцесса.

– Как бы не так! – радостно вскричала принцесса. – Ты забыл, что тут всё было заколдовано. Время просто-напросто остановилось на добрую сотню лет. Пойдемте же, и пусть один из вас несет за мной шлейф, иначе, боюсь, я далеко не продвинусь, ведь платье так ужасно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.